

Особенности процесса дознания в работе губернских жандармских управлений в конце XIX в. (на материалах Вятской губернии)

Афонасьев Михаил Александрович

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-0889-071X.

SPIN-код: 7417-2581. AuthorID: 1135090. E-mail: usr22640@vyatsu.ru

Аннотация. Серьезные геополитические вызовы, с которыми столкнулась Россия в начале XXI в., включают в себя, помимо прочего, рост терроризма и попытки дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Это обуславливает необходимость совершенствования работы правоохранительных органов, которое вряд ли будет эффективно без учета исторического опыта функционирования данных государственных структур. В связи с этим особый интерес вызывает деятельность в позднеимперский период различных структур Департамента полиции МВД, в частности, региональных охранных отделений. Созданные императорским указом от 16 сентября 1867 г., губернские жандармские управления взяли на себя функцию охраны общественного порядка и борьбы с нараставшим революционным движением. Кадровый состав каждого управления был укомплектован офицерами, имевшими образование и боевой опыт службы в регулярной армии. Основным методом работы жандармерии стало секретное наблюдение за подозреваемыми и привлечение их к процессу дознания, который включал в себя поиски улик, обыски, перлюстрацию корреспонденции подозреваемых, привлечение экспертов для сверки почерков.

Цель данной статьи – изучение особенностей осуществления дознания через анализ переписки Департамента полиции МВД с губернскими жандармскими управлениями в конце XIX в.

Источниковой базой данного исследования являются неопубликованные материалы фонда Вятского губернского жандармского управления (ф. 714) Центрального государственного архива Кировской области.

Изучение процесса дознания, осуществляемого губернскими жандармскими управлениями, позволяет детальнее проанализировать деятельность правоохранительных органов Российской империи и оценить эффективность их борьбы с нараставшим революционным движением в стране.

Ключевые слова: Департамент полиции, дознание, жандармские управления, противоправительственная деятельность.

Процесс дознания в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. основывался на Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и являлся первым звеном уголовного процесса. Его главной задачей являлось установление факта совершения преступления и поиск совершившего его лица [4].

До момента создания в 1867 г. губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ) обязанность осуществления дознания лежала на чинах общей полиции, деятельность которых контролировали прокуроры судебных палат. С появлением ГЖУ во всех губерниях империи функции дознания по политическим делам перешли в ведение сотрудников жандармских управлений, а в компетенции полиции осталось расследование уголовных преступлений [3].

Основным документом, который регламентировал процесс дознания жандармских офицеров, являлись «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. [2, с. 3].

Дознания по политическим преступлениям начинались со сбора необходимых улик и фактов, которые можно было получить путем наблюдения за подозреваемыми [2]. Для повышения эффективности следственных мероприятий жандармы тесно сотрудничали с уездными и волостными властями, а также с городской и сельской полицией [6, л. 1].

В 80–90-е гг. XIX в. в российской провинции наиболее распространенными политическими преступлениями являлись антиправительственная агитация и распространение различных слухов.

К примеру, в феврале 1880 г. по империи прокатилась волна слухов о том, что за многочисленными покушениями на Александра II стоят дворяне, недовольные его либеральными

реформами. По мнению Департамента полиции, данные слухи распространялись революционерами с целью формирования в крестьянской среде негативного отношения к дворянству и организации волнений. По мнению руководства охранки, наиболее эффективным способом противодействия этому являлись выявление и арест распространителей слухов [7, л. 18].

Аналогичная ситуация фиксировалась и летом 1882 г., когда Министерство внутренних дел информировало ГЖУ, что сельское население страны, «беззаветно преданное престолу», стало объектом пропаганды со стороны революционеров, пытавшихся настроить крестьян против дворян. Чтобы наказать виновных, губернаторы и начальники ГЖУ должны были разработать совместные меры по пресечению вредного влияния на крестьянское население, используя для этого тех офицеров полиции и жандармского корпуса, которые непосредственно работали с крестьянами [8, л. 23].

Жандармы не только вели негласное наблюдение за подозреваемыми, но и осуществляли обыски как у них самих, так и у лиц, которые были с ними тесно связаны. При этом данные следственные мероприятия проводились очень осторожно, чтобы избежать лишнего общественного резонанса [9, л. 44].

В январе 1882 г. Департамент полиции обратил внимание руководителей ГЖУ на то, что обыски в усадьбах помещиков, заподозренных в политической нелояльности, привлекают большое внимание крестьян, а присутствие последних при обысках в качестве понятых способствует распространению ложных слухов. Поэтому жандармским офицерам предписывалось проводить обыски без особой огласки, а в качестве понятых, по возможности, не приглашать крестьян [8, л. 38].

Департамент полиции МВД стремился жестко контролировать действия своих региональных структур, требуя детального отчета о проведенных следственных мероприятиях. В марте 1890 г. жандармы дважды произвели обыск у одной женщины, которая по версии следствия имела связи с неблагонадежными лицами. Поскольку обыски не дали никаких результатов, то в Департамент полиции об этих следственных мероприятиях не было доложено. Узнав об этом из других источников, Департамент полиции предписал руководителям региональных жандармских управлений предоставлять в столицу информацию обо всех обысках с точным указанием причин и результаты данной меры [7, л. 81].

В конце XIX в. в работу Департамента полиции и его региональных структур стали внедряться передовые для того времени технологии, позитивно влиявшие на ее эффективность. Одной из них стало фотографирование подозреваемых и создание фотографических баз данных. Фотографированию подлежали даже обычные бродяги с целью выяснения их настоящих имен и причастности к делам политического характера.

Сведения о всех подозреваемых, подлежащих розыску, состояли исключительно из описаний внешности, поэтому к фотографиям важно было указывать сведения, которые помогали «как к большему выяснению личностей, подлежащих розыску, так и для облегчения тех, на обязанности коих лежит производство розысков» [8, л. 21 об.]. Для этого Департамент разработал документ, куда вносилась следующая информация о подозреваемых или подследственных: ФИО, возраст, звание, происхождение, вероисповедание и прозвище, если оно имелось. Кроме того, указывались особые приметы (наличие шрамов, родинок и прочее). Наконец, вносилась информация о семье и родных (их фамилии, места их проживания). Для ускорения следственных мероприятий указывался конкретный правоохранительный орган, куда задержанный подозреваемый должен был быть направлен при поимке [10, л. 22].

Фотографирование подозреваемых существенно облегчало жандармам их дальнейший учет и поиск, однако при этом возникал ряд технических и финансовых сложностей. Даже в конце XIX в. в ряде отдаленных регионов страны фотографирование по-прежнему было слабо развито, поэтому не хватало подготовленных специалистов и необходимых материалов. В тех местах, где имелась необходимая техника и кадры, зачастую не хватало денежных средств на покрытие расходов при фотографировании [11, л. 6].

В октябре 1882 г. Департамент полиции выявил, что многие подозреваемые пересылались в места назначения без фотографирования, что существенно затрудняло их поиск в случае побега. Для устранения этого нарушения жандармам предписывалось по возможности снабжать конвоирующих унтер-офицеров фотографиями пересылаемых с дальнейшей передачей фотографий начальнику арестантской партии на приемном пункте железной дороги [12, л. 25].

Первоначально процесс фотографирования подозреваемых не был четко закреплен, поэтому фотографии отличались друг от друга и по размеру, и по качеству. Для устранения дан-

ной проблемы 15 октября 1890 г. Департамент полиции издал новый циркуляр, где детально регламентировал процесс фотосъемки. Предписывалось делать шесть фотографий анфас и шесть в профиль, при самом фотографировании на подозреваемых и обвиняемых не должно было быть головных уборов и верхней одежды. Пять экземпляров каждой фотографии следовало предоставить в Департамент полиции, один оставался в региональном жандармском управлении [10, л. 73].

При проведении процедуры дознания у грамотных подсудимых проводилась экспертиза почерка. Это позволяло жандармам не только установить авторство писем при осуществлении перлюстрации корреспонденции, но и выявить авторов рукописных антиправительственных воззваний. Для проведения графологической экспертизы чаще всего привлекали местных учителей рисования, черчения и чистописания. Однако это быстро привело к возникновению новой проблемы: учителя слишком много времени тратили на проведение экспертиз в ущерб рабочему времени. Это вызывало недовольство руководства образовательных учреждений, которые начали жаловаться на действия жандармов в Министерство просвещения и другие органы. В такой ситуации Департамент полиции предписал начальникам ГЖУ при проведении графологических экспертиз привлекать, в первую очередь, собственных канцелярских сотрудников (делопроизводителей и секретарей), а учителей привлекать к этому делу лишь в случае крайней необходимости и в свободное от уроков время [13, л. 26].

У лиц, привлеченных к дознанию, могла просматриваться их личная корреспонденция. Такое право у жандармерии появилось 30 октября 1878 г., после издания соответствующего постановления Государственного совета. Для перлюстрации корреспонденции подозреваемого жандармы должны были получить соответствующее разрешение Министерства юстиции, которое позволяло осмотр по договоренности с почтовыми и телеграфными учреждениями [7, л. 32 об.].

Стоит отдать должное хитрости революционеров. Зимой 1884 г. одним из региональных жандармских управлений было получено письмо на имя арестованного, которое было передано ему, поскольку, на первый взгляд, не содержало ничего противоправного. Но вскоре обнаружилось, что между строчками письма химическим способом был помещен другой текст, заключавший в себе сведения о производимом дознании. После этого случая начальники ГЖУ стали проверять как получаемую, так и отправляемую арестантами корреспонденцию химическим реактивом на предмет наличия тайного текста [7, л. 42 об.].

В 1886 г. начальники жандармских управлений установили, что значительную часть корреспонденции лиц, содержащихся под стражей, составляли письма другим подозреваемым по политическим преступлениям, но находившимся на свободе. Несмотря на частный характер, такая переписка могла устанавливать тайные связи арестантов как между собой, так и с людьми, находящимися на свободе, вследствие чего был введен запрет на почтовую корреспонденцию всем политическим арестантам [14, л. 54 об.].

Помимо взрослого населения процедуре дознания могли подвергаться и несовершеннолетние воспитанники высших и средних учебных заведений. Однако в силу возраста подозреваемых на жандармов накладывались некоторые ограничения [12, л. 19]. Директивой Департамента полиции от 12 декабря 1882 г. жандармские офицеры должны были сообщать руководителям образовательных учреждений не только о привлечении их воспитанников к дознанию, но и называть день их ареста, день освобождения из-под стражи и суть обвинения с указанием соответствующей статьи «Уложения о наказаниях» [12, л. 39].

В сентябре 1884 г. Департамент полиции потребовал от руководителей жандармских управлений проявлять крайнюю осторожность при проведении следственных мероприятий в средних учебных заведениях. Появление в стенах гимназий и училищ жандармских офицеров, а также осуществление ими допросов учащихся вызывали негативную реакцию их родителей, многие из которых занимали высокий социальный статус. В силу этого, все процессуальные действия жандармов на территории образовательных учреждений должны были жестко контролироваться не только руководителями жандармских управлений, но и прокуратурой [14, л. 39].

Жандармские управления могли привлекать к дознаниям лиц военного сухопутного и морского ведомств, если их подозревали в антиправительственной агитации. В делах по таким преступлениям предполагалось участие гражданских чиновников, поскольку согласно ст. 1261 «Устава уголовного судопроизводства» [4], военнотружущие подчинялись общему порядку судности. Такие дознания проводились вне очереди, и обнаруженные сведения сообщались не только прокурорам судебных палат, но и руководителям военного ведомства [6, л. 28].

К дознаниям по политическим преступлениям могли привлекаться лица духовного звания. В таком случае жандармским офицерам следовало обращаться к местному епархиальному архиерею с запросом о получении информации об образе жизни и контактах таких священнослужителей [15, л. 35].

Следственные действия, осуществляемые жандармами, часто проходили достаточно сложно. В 1881 г. Департамент полиции указывал на то, что офицеры корпуса жандармов, производящие дознания, в большинстве случаев не собирали полных сведений об обвиняемых, в частности, не указывали факты их привлечения к другим следственным делам. Отсутствие таких сведений препятствовало правильной оценке деяний обвиняемых прокуратурой и министерством юстиции, что могло существенно повлиять на ход судебного процесса [8, л. 17 об.].

Указывались и другие процессуальные нарушения, допускаемые жандармами. В циркуляре Департамента полиции, датированном апрелем 1885 г., указывалось, что жандармские офицеры приобщали к делам в качестве вещественных доказательств различные предметы, не имеющие какого-либо отношения к делу. При этом в протоколах обысков не указывалось ни оснований для приложения к делу предметов, ни способов их получения, ни лиц, у которых эти предметы были изъяты. Поэтому по требованию Департамента управлениям следовало не только составлять подробные протоколы с приобщаемыми предметами, но и делать опись перенумерованных, опечатанных и приобщенных вещественных доказательств с указанием места их хранения. Что касается документов, удостоверявших личности обвиняемых, то они подшивались в указанной выше описи и прикладывались к делам в особых запечатанных конвертах в конце последнего тома дознания [8, л. 17 об.].

В 1887 г. Департамент полиции выявил новые серьезные процессуальные нарушения, допущенные при проведении дознания. Многие офицеры жандармского корпуса, не имея достаточных оснований, совершали обыски у лиц, проходивших по делам лишь в качестве свидетелей. Само производство обыска всегда оказывало негативное психологическое воздействие как на обыскиваемого, так и на окружающих его лиц, поэтому должно было проводиться лишь на основе очень веских оснований. Однако такие убедительные основания у жандармов очень часто отсутствовали [8, л. 59].

26 июня 1891 г. при рассмотрении дознаний по ст. 246–248 «Уложения о наказании» [3] выяснилось, что значительное количество этих дел возбуждалось вследствие заявлений и доносов частных лиц, которые в силу враждебных отношений доносителей к оговариваемым делались исключительно со злым умыслом. Многие жандармские офицеры не обращали внимания на мотив личной неприязни между истцом и ответчиком, что приводило к арестам заведомо невиновных лиц. По требованию Департамента полиции во всех случаях устного или письменного заявления или доноса, когда факт преступления ничем, кроме оговора, не подтверждался, перед возбуждением формального дознания ГЖУ должны были проверять негласным путем основательность обвинений. Лишь в случае подтверждения первоначальных сведений этой негласной проверкой следовало приступать к дознанию. Особенно внимательно надо было относиться к проверке доносов на лиц, занимающих важное общественное или служебное положение, рабочих и прислуги на хозяев, подчиненных на начальство и тому подобное [8, л. 75 об.].

Осенью 1900 г. стали известны случаи халатности жандармских офицеров при проведении дознания в отношении воспитанников средних учебных заведений. Например, известен случай личного задержания гимназиста без достаточно уважительных к тому оснований. В другом случае производящий дознание офицер произвел обыск у гимназиста, тогда как в действительности надлежало обыскать другого человека. Наконец, известен случай, когда несколько воспитанниц гимназии были вызваны на допрос в жандармерию в качестве свидетельниц, причем вызов этот был сделан в учебные часы, и девушек отправили в управление в сопровождении полицейского надзирателя [12, л. 47].

Признав, что такие факты лишь дискредитируют правоохранительные органы, Департамент полиции потребовал от начальников ГЖУ при производстве дознаний и расследований в отношении учащихся средних учебных заведений жестко соблюдать действующее законодательство и действовать максимально корректно. Прибегать к этим следственным действиям, и в особенности к арестам, надо было лишь в случаях крайней необходимости и при наличии серьезных оснований для обвинения учащихся в политической неблагонадежности [10, л. 113].

В июне 1894 г. руководство МВД пришло к неутешительному выводу, что во многих губерниях страны отсутствует тесное взаимодействие между жандармерией и общей полицией [1]. Сотрудники последней, перегруженные расследованием уголовных преступлений, почти не

оказывали жандармским управлениям содействия в деле выявления политически неблагонадежных лиц, в задержании участников революционного движения, бежавших из-под ареста.

Таким образом, в конце XIX в. Департамент полиции МВД уделял значительное внимание совершенствованию деятельности региональных губернских жандармских управлений. Им разрабатывались и рассылались подробные инструкции по проведению дознания по политическим делам, давались развернутые комментарии по обеспечению законности следственных мероприятий. Важным шагом в деле совершенствования работы региональной жандармерии было внедрение в рассматриваемый хронологический период фотографирования лиц, подозреваемых в политической неблагонадежности и создание соответствующих баз данных. Это существенно упрощало поиск и опознание участников революционного движения. Однако несмотря на заметные позитивные сдвиги региональные жандармские управления по-прежнему допускали серьезные нарушения при проведении процедуры дознания. Главной причиной этого был дефицит образованных и подготовленных кадров, а также нежелание многих сотрудников жандармерии соблюдать процессуальные нормы при проведении следствия. Беззаконие по-прежнему оставалось распространенной практикой в работе правоохранительных органов, что существенно подрывало их авторитет в глазах общественности и в немалой степени способствовало росту популярности леворадикальных идей.

Список литературы

1. Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.
2. Рыжова Ю. В. Дознание в отдельном корпусе жандармов // Российская государственность: история, современность и перспективы : сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2016 года. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 119–125.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Фролов В. В. Обеспечение правопорядка в Российской империи в начале XX в., связь истории и современности / В. В. Фролов, Н. К. Тышковец // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3 (43). С. 21–26.
6. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 4.
8. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 5.
9. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10.
10. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 15.
11. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 20.
12. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 21.
13. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 23.
14. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 28.
15. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 37.

Features of the inquiry process in the work of provincial gendarmerie departments at the end of the nineteenth century (based on the materials of the Vyatka Province)

Afonasyev Mikhail Aleksandrovich

postgraduate student of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-0889-071X. SPIN code: 7417-2581. AuthorID: 1135090. E-mail: usr22640@vyatsu.ru

Abstract. The serious geopolitical challenges that Russia faced at the beginning of the XXI century include, among other things, the growth of terrorism and attempts to destabilize the socio-political situation in the country. This makes it necessary to improve the work of law enforcement agencies, which is unlikely to be effective without taking into account the historical experience of the functioning of these state structures. In this regard, of particular interest is the activity in the late Imperial period of various structures of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, in particular, regional security departments. Created by the imperial decree of September 16, 1867, the provincial gendarmerie departments assumed the function of protecting

public order and combating the growing revolutionary movement. The personnel of each department was staffed by officers who had education and combat experience of service in the regular army. The main method of work of the gendarmerie was the secret surveillance of suspects and their involvement in the investigation process, which included the search for evidence, searches, perustration of suspects' correspondence, the involvement of experts to verify handwriting.

The purpose of this article is to study the peculiarities of conducting an inquiry through the analysis of correspondence between the Police Department of the Ministry of Internal Affairs and provincial gendarmerie departments at the end of the XIX century.

The source base of this research is unpublished materials of the fund of the Vyatka Provincial Gendarmerie Department (f. 714) of the Central State Archive of the Kirov region.

The study of the inquiry process carried out by the provincial gendarmerie departments makes it possible to analyze in more detail the activities of the law enforcement agencies of the Russian Empire and assess the effectiveness of their fight against the growing revolutionary movement in the country.

Keywords: Police department, inquiry, gendarmerie departments, illegal activity.

References

1. *Krakovskij K. P. Politicheskoe doznanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Political inquiry in the second half of the XIX – early XX century] // *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs* – Historical and legal problems: a new perspective. 2012. No. 5. Pp. 315–344.

2. *Ryzhova Yu. V. Doznanie v otdel'nom korpuse zhandarmov* [Inquiry in a separate corps of gendarmes] // *Rossijskaya gosudarstvennost': istoriya, sovremennost' i perspektivy : sb. trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 12 aprelya 2016 goda* – Russian statehood: history, modernity and prospects : collection of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12, 2016. M. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. Pp. 119–125.

3. *Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 g.* – The Code of Criminal and Correctional Punishments 1845. Available at: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (date accessed: 10.02.2023).

4. *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva* – The Statute of Criminal proceedings. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (date accessed: 10.02.2023).

5. *Frolov V. V. Obespechenie pravoporyadka v Rossijskoj imperii v nachale XX v., svyaz' istorii i sovremennosti* [Ensuring law and order in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century, the connection of history and modernity] / V. V. Frolov, N. K. Tyshkovets // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Herald of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (43). Pp. 21–26.

6. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 714. Inv. 1. File 1.

7. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 4.

8. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 5.

9. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 10.

10. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 15.

11. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 20.

12. CSAKR. F. 714. Inv. 2. File 21.

13. CSAKR. F. 714. Inv. 2. File 23.

14. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 28.

15. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 37.